

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В РУАНДЕ

М. В. Никольская

Никольская Майя Викторовна, МГИМО МИД России, Институт международных исследований, пр-т Вернадского, 76, г. Москва, 119454, Россия.

Эл. почта: mayyanikolskaya@gmail.com. ORCID 0000-0002-3160-112X

Аннотация. Статья посвящена языковой политике Руанды, которая была разработана властями страны после геноцида 1994 г. — своеобразного водораздела в ее современной истории — с целью преодоления глубокой национальной травмы. В качестве основного метода был выбран кейс-стади, предполагающий системный сбор информации по предмету исследования для определения этапов и основных направлений реформирования языковой политики с указанного момента по сегодняшний день. Ответ на вопрос о том, чем был обусловлен такой шаг и в какой степени он соответствует поставленной руандийским руководством задаче конструирования национального проекта без этнического компонента, автор пытается найти с помощью концепции «треугольника насилия» Й. Галтунга и модели трансформации конфликта с ориентацией на «позитивный мир». В частности вплоть до геноцида в стране наблюдался феномен «лингвистического империализма», проявлявшийся в дискриминации граждан, не владеющих французским языком. После геноцида (и выхода страны из орбиты влияния Франции) началось формирование новой конфигурации языков, что было направлено на вытеснение французского на второстепенные позиции по сравнению с английским ради преодоления негативных этнических стереотипов. Национальная идея «нового руандийского человека» получила поддержку за счет усиления позиций автохтонного языка киньяруанда, статус которого был пересмотрен и в правовом, и в символическом аспектах. Новая языковая политика коснулась также еще одного африканского языка: в контексте обозначенного правительством курса на интеграцию в восточноафриканское пространство статус официального получил суахили. Реализуемая в настоящий период четырехязычная модель оценена как достаточно успешная, поскольку соответствует вкладываемым в нее символическим смыслом и практическим задачам постконфликтного мирного строительства.

Ключевые слова: Руанда, языковая политика, трансформация конфликта, треугольник насилия, национально-государственное строительство, идентичность.

Введение

Современная Руанда представляет собой постконфликтное разделенное общество¹, где сегментарные различия этнической природы длительное время совпадали с линиями политического противостояния. В подобных обществах остро стоит вопрос об инструментах и способах снижения конфликтогенности, включения враждующих групп в политический процесс и постепенного восстановления доверия (Метаморфозы разделенных обществ, 2020: 18–19).

На протяжении всего XX века в Руанде происходило непрерывное углубление противоречий между этносоциальными группами хуту и тутси, которое направленно стимулировалось сначала колониальными властями, а потом и независимым руководством страны. Изначально нейтральная этносоциальная дихотомия была политизирована и получила расистскую интерпретацию, превратившись в один из

¹ Термин «разделенное общество» (*divided society*) был введен в оборот Э. Нордлингером и подразумевает наличие глубоких конфликтов; А. Лейпхарт использовал термин «фрагментированное общество» (*fragmented society*), а позднее – «многосоставное» (*plural*), охватывающий все уровни сегментарной разделенности (Кудряшова, 2016).

главных факторов подъема межэтнической розни. Ее кульминацией стал геноцид 1994 г., унесший жизни около одного миллиона человек и нанесший обществу глубокую травму (Banyanga, 2017; Newbury, 1998; Jefremovas, 1997 и др.). Эти трагические события заставили руандийскую правящую элиту активно искать инструменты восстановления общественного доверия, включая использование неформальных институтов, зачастую уходящих корнями в доколониальную культуру. Наряду с трибуналами были узаконены народные суды *гачача*, предназначенные для разбора дел виновных в преступлениях геноцида. Широкое распространение получил институт посредничества в урегулировании внутриобщинных конфликтов — *абунзи* (Musingafi, 2019). В ходе миротворческих программ *ингандо* политических и общественных деятелей обучали предотвращению и урегулированию конфликтов на самых разных уровнях. Были переосмыслены и формализованы такие традиции как *умуганда* — ежемесячный общенациональный субботник (Uwimbabazi, 2012); *гиринка* — кампания по борьбе с бедностью в деревнях, основанная на практике раздачи коров (Rwanda Playbook, 2022); школа патриотического воспитания *итоперо* (Nzahabwanayo, 2018) и др.

Большое внимание правительство страны уделило реформе языковой политики, что и определило фокус настоящей статьи. Автором поставлена задача проанализировать, с чем была связана необходимость этой реформы, выделить ее основные слагаемые и оценить, насколько она соответствует целям устранения структурного и культурного неравенства, а также перспективе этнополитического примирения.

Руанда в треугольнике насилия

Наиболее существенным показателем оздоровления общественно-политической среды после 1994 г. является последовательное сокращение значимости этнического фактора, а также сведение к минимуму уровня насилия в обществе. Так, Индекс слабости государств (*State Fragility Index*) для Руанды с 2007 по 2021 г. демонстрирует стабильную тенденцию к понижению. Логика подсказывает, что в значительной степени успехи в укреплении государственной власти связаны с моделью постконфликтного урегулирования, реализуемой в стране после геноцида.

По мнению автора, кейс Руанды может быть продуктивно рассмотрен в рамках модели трансформации конфликта по Й. Галтунгу, который ввел в научный оборот понятие «*позитивного мира*», основанного на долгосрочном конструктивном взаимодействии в социуме. Позитивный мир следует отличать от «*негативного мира*», означающего исключительно прекращение активной фазы конфликта. Само по себе насилие, как утверждают Галтунг и его последователи, может иметь не только видимую форму: у этого «айсберга» есть и подводная часть — *культурные* и *структурные* элементы. Концепция структурного насилия предполагает депривацию базовых потребностей человека, включая самоидентификацию и свободу, что находит свое воплощение в дискриминационных социальных практиках, лишении определенной группы граждан доступа к власти и ресурсам. Культурное насилие берет свои истоки в целом комплексе мифов, идей и интерпретаций, которые служат оправданием всех видов насилия и проникают в науку, идеологию, религию, СМИ, искусство, язык и т.д. (Galtung, 1969).

В логике сторонников школы трансформации конфликта строительство постконфликтного социума означает постепенное устранение причин культурного и/или структурного насилия и поиск взаимоприемлемых решений для всех заинтере-

ресованных сторон. В частности, крупный теоретик этой школы Дж. Ледерак видит основную задачу миротворчества в формировании взаимоотношений высокого качества как на микроуровне (личностная и отношенческая трансформация), так и на уровне социума (структурная и культурная) (Lederach, 2014). В отличие от классических подходов к миростроительству, например теорий прекращения (conflict management) или разрешения (conflict resolution) конфликтов (М. Дойч, К. Боулдинг, Э. Азар, Э. Грум, М. Бэнкс и др.), в такой модели значительное внимание уделяется не только решениям «сверху», но и инициативе среднего и низового уровней. Трансформацию можно считать успешной, если она приводит к установлению порядка, воспринимаемого как относительно справедливый, соблюдению прав человека и отсутствию насилия (Сотиева, Скофилд, 2021).

Попытки проследить реализацию модели трансформации конфликта в Руанде встречаются у разных исследователей, например у Г. Хакориманы, Х. Хинтьенс, С. Ридера, П. Увина и др. Среди этих работ есть как обзорные, объясняющие, каким образом руандийский кейс соотносится с галтунговской концепцией в целом (Wolfenden, 2011; Broneus, 2008; Uvin, 1999 и др.), так и предметные, исследующие роль конкретных символических систем, перестройка которых необходима для долгосрочной стабилизации. В их числе немало собственно руандийских: осмысление трагических событий 1994 г. в академическом дискурсе может считаться особой формой конструирования символической памяти. Так, Г. Хакоримана (Hakorimana, 2020) пишет о влиянии СМИ на культурные и мировоззренческие установки руандийцев, а Ж. Нкубито и А. Увабабьеи (Nkubito & Uwababyeyi, 2017) анализируют роль англоязычного образования в политике национального примирения. Голландский исследователь Х. Хинтьенс и ее коллега руандийско-шведского происхождения Р. Убальдо (Hintjens & Ubaldo, 2019) отмечают, что в качестве инструмента для построения мира и предотвращения эскалации в Руанде может рассматриваться в том числе и музыка.

Не менее важным инструментом формирования галтунговского «позитивного мира» выступает язык. Государство может действовать как реактивно, изменяя и/или сохраняя статус тех или иных языков при помощи правовых и административных мер в ответ на политические требования граждан или объективно и органически меняющуюся языковую картину, так и активно, предпринимая подобные меры с определенными политическими целями и исходя из определенных нормативных представлений. Комплекс таких мер, целей и представлений и составляет языковую политику.

Как правило, языковая политика призвана если не устранить, то хотя бы сгладить остроту существующих и потенциальных противоречий, связанных с реализацией языковых прав в широком смысле этого слова. В их числе — языковое равенство, право на изучение родного и других языков в соответствии с коммуникационными задачами индивида, право на личное языковое развитие (Gomes de Matos, 1986). В контексте установления позитивного мира ключевой задачей представляется преодоление лингвистической дискриминации, выраженной в неравномерном распределении ресурсов между группами населения, выделяемыми на основе языка (Skutnabb-Kangas, 2016). Кажется априорным, что язык является не только инструментом дискурса, но и зеркалом социально-политических процессов, так как роль и удельный вес конкретных языков отражают уровень включенности различных сегментов во властную иерархию (Samuelson & Freedman, 2010). Более

того, не так важно, насколько та или иная конфигурация языков объективно хороша; легитимность и оправданность ее с точки зрения социума в любом случае способствует оздоровлению отношений и формированию «культуры мира».

Согласно гипотезе лингвистической относительности, язык оказывает формирующее воздействие на мышление и постижение окружающей действительности (Э. Сепир, Б. Уорф), а следовательно — на осознание себя в системе социальных координат. Сегодня он продолжает оставаться важнейшим способом коммуникации во взаимодействиях индивида и государства, посредством которых формируется национально-государственная идентичность (Борисова, 2016). С этой точки зрения для общества с посттравматическим синдромом язык остается или становится одной из центральных — или даже центральной — связующей нитью, которая соединяет разрушенную социальную ткань.

Автор предполагает, что в ходе трансформации конфликта Руанде удалось перейти к более конструктивной языковой политике, учитывающей как символические соображения, так и политическую конъюнктуру постгеноцидного периода.

Скрытая угроза: лингвистический империализм в догеноцидной Руанде

На протяжении нескольких десятилетий постколониального периода (Руанда обрела независимость в 1962 г.) происходило вытеснение тутси из социально-политической жизни страны и ограничение их в правах. Идеологической основой геноцида послужила «хамитская гипотеза» (Zadi, 2021 и др.) — разработанный еще бельгийской колониальной администрацией миф об особом происхождении тутси, якобы дававшим им право претендовать на расовое превосходство², в результате чего у хуту сложилось представление о тутси как о захватчиках, которые не имеют исторического права претендовать на их землю (Storey, 2001). В 1970–1980-х гг. вся политическая и экономическая власть в Руанде была фактически узурпирована *аказу* (*akazu*, букв. «маленький дом») — базирующейся на севере страны полу-мафиозной кликой хуту, сформировавшейся вокруг семьи президента Ювеналия Хабьяриманы (Reyntjens, 2004, Scherrer, 2002). Любая социальная мобильность для тутси, тва (этнического меньшинства, составляющего 1% населения) и южных хуту, не принадлежавших к правящей клике, оказалась де-факто заблокирована.

Все эти процессы происходили на фоне хронической нищеты: на начало 1990-х гг. в Руанде было больше людей, проживающих за чертой бедности, чем во многих других странах мира, при этом неравенство в распределении благ исследователи называют вопиющим (Storey, 2001 и др.). На это накладывались бесчисленные случаи нарушения прав человека и доминирование государства во всех сферах общественной жизни (Uvin, 1999). Таким образом, проблемы тогдашней Руанды не исчерпывались неравноправием и антипатией между хуту и тутси. Однако в результате проводимой политики общество оказалось в «ловушке идентичности»: вместо того чтобы сосредоточиться на выводе из кризиса к тому моменту дисфункциональной политической и экономической системы, руандийцы восприняли сложившуюся ситуацию как конфликт идентичностей между конкурирующими этническими группами (Donohue, 2012).

² Согласно «хамитской гипотезе», все достижения африканской культуры, включая сложные формы общественной организации, связаны с хамитскими народами, то есть европеоидами, когда-то пришедшими в Африку.

Что касается роли языкового фактора в контексте «треугольника насилия», то следует различать два его аспекта. Во-первых, это использование языковых приемов для конструирования символического образа врага и реализации вышеупомянутых стереотипов. Структуралистский анализ пропагандистских текстов не входит в задачи данной работы, но все же отметим главное: культурное насилие рано или поздно переходит в открытую агрессию, и начинается этот переход именно на языковом уровне (Stanton, 2004). Один из наиболее показательных примеров этого — экстремистские передачи радиостанции RTLM в Кигали (столица Руанды), осуществлявшей вещание с середины 1993 г. до конца июля 1994 г. В радиотрансляциях тутси обвинялись в причастности к заговору против государства с целью массовых убийств хуту, при этом использовалось уничижительное прозвище иньензи («тараканы») (Roozen & Schulman, 2014, Yanagizawa-Drott, 2014 и др.).

Во-вторых, речь может идти о языковой политике в ее классическом понимании, что придает несколько иное измерение руандийскому кейсу. Как правило, исследователи предпочитают игнорировать это измерение как не вписывающееся в схему возбуждения межэтнической розни. При этом обычны ссылки на то, что согласно классификации, например, Х. Пиннок, исходящей из культурных и языковых различий в рамках одного государства, Руанда не является лингвистически фрагментированной страной³ и собственно языковые права отдельных этнических групп не становились там предметом серьезных разногласий.

Так, в 1894–1916 гг. Руанда была частью Германской Восточной Африки, где в качестве официального языка колониальная администрация использовала суахили — *lingua franca* для всего этого региона. В 1918 г. его сменил французский — язык Бельгии, управлявшей Руандой-Урунди как подмандатной территорией Лиги Наций, а с 1946 г. — подопечной территорией ООН. Эту позицию он сохранял и после обретения страной независимости — вплоть до конца XX в. Будучи более ограниченной в финансовых средствах, чем, например, Франция, Бельгия не уделяла большого внимания глубокой франкофонизации всего населения, отдав эту сферу в полное распоряжение работавших в стране католических миссионеров. Таким образом, в Руанде того времени колониальный язык не мешал развиваться автохтонному киньяруанда и не смог его полностью вытеснить. На сегодняшний день свыше 90% населения, включая хуту и тутси, говорит на киньяруанда⁴.

Тем не менее в случае Руанды соотношение между двумя языками — эндогенным (автохтонным) и экзогенным (языком метрополии) — можно считать частным случаем дискриминации. Поскольку язык — всегда часть определенной культуры, навязывание населению чужого языка представляет собой акт *лингвистического империализма*, плавно переходящего в *культурный* (Phillipson, 1992). Под последним понимается форма умышленной языковой дискриминации, направленной на предоставление привилегий доминирующему языку и его носителям, а также его политическую легитимизацию. При этом происходит девальвация автохтонной культуры и языка, что само по себе наносит сообществу-носителю травму, называемую культурным шоком; травма, в свою очередь, мешает этому сообществу развиваться (Abbott, 1992). Эта позиция продолжает разделяться многими африкан-

³ Pinnock, H. (2009). Language and education: The missing link: How the language used in schools threatens the achievement of Education for All. London: CfBT Education Trust and Save the Children. - Цит. по Samuelson & Freedman, 2010.

⁴ Доля хуту в населении страны 82,2 %, тутси — 9,6 %.

скими интеллектуалами начиная с 1970-х гг.: подразумеваемая «второсортность» автохтонных языков — явление, характерное не только для Руанды.

Исторически в большинстве африканских колоний утвердилась как минимум двухступенчатая вертикальная языковая модель (Abolou, 2008), которая предполагала подчиненную роль автохтонных языков по отношению к языку колонизаторов. Европейские администрации были заинтересованы в обучении своему языку тех представителей подчиненного народа, которые могли выступать в качестве посредников между колонией и метрополией; при этом основная масса населения продолжала говорить на своих родных языках, многие из которых не имели даже письменности. В период колонизации Руанды владение французским было равноценно принадлежности к узкой группе избранных, которые должны были служить «глазами и ушами бельгийских властей» (Munyankesha, 2013), что способствовало расслоению между хуту (которые преимущественно не имели доступа к франкоязычному образованию) и элитой тутси в полном соответствии с бельгийской колониальной политикой, основанной на старом как мир принципе «разделяй и властвуй». Началось формирование сегмента европеизированных эволюэ, которые говорили на неафриканском языке, что отдаляло их от всего остального населения. В этом смысле парадоксальное, на первый взгляд, мнение О. Нкузиманы и других руандийских исследователей о том, что Руанда никогда не была подлинно франкофонной страной, на самом деле вполне оправдано. К моменту колонизации культурно-языковое поле Руанды уже полностью сложилось, и французский в тот период не стал ни языком повседневного общения, ни инструментом общественной консолидации, но воспринимался как что-то глубоко инородное. К тому же у франкофонов складывалось ощущение практически богоизбранности, тем более что занимались распространением французского католические и протестантские прелаты (Nkuzimana, 2013). При этом сама методика обучения и предлагаемые материалы оставались максимально примитивными, а учителя часто увлекались преподаванием не столько языка, сколько католической морали, а также колониальной пропагандой (Kabanza, 2010).

После окончания Второй мировой войны положение киньяруанда несколько укрепилось, но в самом лучшем случае ему отводилась роль своеобразного трамплина, позволяющего перейти от начального образования к последующим его уровням. Незнание французского языка автоматически перекрывало доступ к достойному образованию, трудоустройству, участию в публичной политике и т.д. В условиях ограниченности доступа к образованию на лингвистическом рынке фактически происходило перераспределение целого ряда ресурсов в пользу франкоговорящих граждан (Shyirambere, 1979).

После независимости французский продолжал оставаться языком престижа, а элитарная языковая политика колониальных времен никуда не делась: несмотря на то что французский стал официально языком преподавания в школе, языком госуправления и международных отношений, из-за дефицита образовательных ресурсов де-факто на нем говорили одни госслужащие и интеллектуалы. В 1970-х гг. была предпринята робкая попытка школьной реформы с целью «киньяруандизации» образования, однако она оказалась половинчатой.

В угнетенном положении оказались и носители другого африканского языка — суахили. Традиционно в Руанде это язык мусульманского меньшинства, преимущественно торгового сословия. Сколько-нибудь заметным в масштабах страны он

впервые стал в годы германского протектората благодаря коммерсантам арабского, пакистанского, индийского и танганьикского происхождения, обосновавшимся в Кигали — столице колониальной администрации (Munyankesha, 2013). В силу его распространенности на территории Германской Восточной Африки немцы, как упоминалось выше, «повысили» его до официального, однако укорениться в Руанде суахили не удалось. При бельгийцах суахили уступил место официального языка французскому, что стало началом целенаправленной кампании по его маргинализации. Значительную роль в ней сыграла католическая церковь, культивировавшая представление о мусульманах как о необразованных варварах, далеких от цивилизации. До середины 2000-х гг. суахили оставался языком-призраком: ни в газетах, ни в университетах, ни на мероприятиях сколько-нибудь публичного характера его как будто бы не существовало. В целом дискриминация по языковому признаку не транслировалась через официальные лозунги и не выступала основной причиной конфликта, но способствовала созданию в обществе конфликтогенной ситуации, готовившей почву для геноцида.

После геноцида: большая рокировка

В постгеноцидный период узловым пунктом программы пришедшего к власти Руандийского патриотического фронта (РПФ) стала деэтнизация как ключевой компонент строительства национального государства (Chemouni & Mugiraneza, 2019). Был обозначен курс на создание «руандийской нации» и даже «нового руандийского человека» (Purdekova, 2015), который не имел бы никаких этнических, расовых или территориальных маркеров. Новый руандийский человек должен исповедовать *агачиро* (agaciro) — чувство собственного достоинства и самостоятельность, под которыми подразумевается в том числе независимость от западных государств (Rutazibwa, 2014). Слова «хуту» и «тутси» были фактически выведены из публичного дискурса; вместо них предложено повсеместно использовать для самообозначения слово «руандийцы». С конца 1990-х гг. в стране принимается огромное количество законов, направленных на защиту прав человека; в частности закреплена норма о том, что никто не может быть в произвольном порядке лишен руандийского гражданства.

В середине 1990-х гг. правительство начало активную кампанию по вытеснению из публичного пространства французского языка. С Францией режим Ю. Хабьяриманы с середины 1970-х гг. связывали близкие экономические и политические отношения, и впоследствии президент П. Кагаме и его окружение объявили эту страну во многом повинной в геноциде. Сам французский язык ассоциировался в массовом сознании с бельгийскими колонизаторами и их «токсичным» мифотворчеством (Purdekova, 2021), способствовавшим кровопролитным событиям 1994 г. Разорвать эту связь означало окончательно распрощаться с прежней этнической идентичностью и колониальными стереотипами о ней. Хотя страна официально не вышла из Франкофонии, международной организации франкоязычных стран, с 2008 г. Кагаме не участвовал ни в одном ее саммите, а в 2006–2009 гг. дипломатические отношения между Руандой и Францией были официально разорваны. Свое выступление на мероприятии по случаю двадцатой годовщины трагических событий президент сделал на английском языке и назвал французских солдат ответственными за подготовку устроивших резню ополченцев хуту. На роль палача в истории национальной травмы руандийцев была назначена Франция и в мень-

шей степени — коллективный Запад, а жертвами выставлены тутси (хотя в ходе геноцида погибли также до 200 тыс. хуту).

Самый большой удар по французскому языку был нанесен в рамках образовательной системы: вместо официального языка обучения он был «понижен» до обычного предмета. Сложилась негласная практика увольнения из частных университетов преподавателей, плохо владеющих английским языком, вне зависимости от предмета их специализации (Ruraringwa, 2013). Более того, с конца 2000-х гг. вся научно-исследовательская жизнь активно переходит на «английские рельсы», включая написание и оформление научных работ; академические публикации на французском языке не приветствуются, и даже передовой научно-технический журнал *UNR Études Rwandaises* был вынужден изменить название на *Rwanda Journal* (Ntakirutimana, 2014). Происходит также постепенный вывод французского языка из прочих общественных сфер и государственного управления. Сегодня доля франкоговорящих в стране оценивается в диапазоне от 6% (OIF, 2018) до 18% (перепись 2002 г.). Реформы затронули и символический уровень: в одной только столице пять улиц потеряли свои французские названия (Rosendal & Ngabonziza, 2022).

Небольшая группа руандийских интеллектуалов, преимущественно проживающих за границей, недовольна нынешним положением дел. Переход на английский не вызвал особых сдвигов в образовании: например, переводные и выпускные экзамены из года в год показывают все менее удовлетворительные результаты (Pearson, 2013). Некоторый реверанс в сторону франкофонов сделало руководство Национального университета Руанды, в рамках которого с 1997 г. существует языковая школа под названием EPLM (*Ecole Pratique des Langues Modernes*). Перед началом учебы франкоязычные студенты проходят интенсивное годичное обучение английскому, а англоговорящие — французскому, после чего начиная с первого курса слушают лекции на обоих языках (Kereni, 2004). В мае 2018 г. с согласия властей создана Организация франкофонной прессы в Руанде (OPFR), нацеленная на поддержку франкофонных СМИ. Выдвигаются также такие предложения как проведение уроков французского онлайн и на телевидении; организация ежегодных семинаров под эгидой крупного регионального издания по гуманитарным наукам *Synergies Afrique des Grands Lacs*; разработка программ по развитию навыков устного и письменного перевода с других руандийских языков на французский; обучение детей не только в частных франкофонных школах Руанды, но и в школах соседних государств — Бурунди и ДРК. Все эти меры не позволяли бы численности франкоговорящих руандийцев снижаться и обеспечивали бы им возможности культурного и научного самовыражения, а также поддержания неформальных горизонтальных связей как внутри страны, так и за ее пределами.

Исследователи отмечают колоссальную роль французского как языка общения между народами франкофонных стран. Его длительная гегемония на территории бывших колоний, включая Руанду-Урунди, способствовала тому, что даже полуграмотные жители сельских районов неплохо понимают французскую речь, в результате чего рождаются новые диалекты на основе сочетания эндогенного языка с экзогенными — такие как «киньяфранглийский» (Vignon, 2021). По словам современного поэта и рэпера Эрика Нгангаре, «владение французским — удел образованного человека» (A discussion with Eric Ngangare..., 2016).

Определенные надежды на удовлетворение чаяний франкофонов подарил визит президента Франции Э. Макрона в Руанду в июне 2021 г., в ходе которого он принес

извинения за роль, которую сыграла его страна в событиях 1994 г. Несмотря на недовольство официального Кигали выводами комиссии Дюклера⁵, Макрон все же открыл французский культурный центр в столице Руанды (Inauguration du Centre culturel francophone du Rwanda, 2021). Кроме того, продолжение участия в Франкофонии, генеральным секретарем которой с 2019 по 2023 г. является бывший министр иностранных дел Руанды Л. Мушикивабо, говорит о том, что полностью отказываться от французского Руанда пока не собирается. «Спящий режим» работы по франкофонному направлению позволяет руандийской элите заключать выгодные соглашения, продвигая интересы Руанды, а также отражать критику международного правозащитного сообщества, обвиняющего правительство Кагаме в нарушении прав человека и вмешательство в дела соседних государств.

Там, где французский уходит, его место занимает английский. Своим новым положением в Руанде английский обязан историческим обстоятельствам: это был «язык победителей» (Samuelson et al., 2010). Во время геноцида 1994 г., по данным УВКБ ООН, из страны бежали более 2 млн. человек, состав которых был этнически неоднородным — преобладали тутси, но были и умеренные хуту. Их пристанищем стали соседние восточноафриканские страны, где основным языком общения является английский (Уганда), в меньшей степени — суахили (Танзания). Коммуникация с поддерживавшими повстанческие силы США также осуществлялась на английском. С середины 1990-х гг. вместе с РПФ беженцы начали возвращаться в страну. Именно из них в первую очередь формировался костяк новой англоязычной элиты, которая объявила себя рупором всех пострадавших и постепенно стала выдавливать прежнюю — франкоязычную.

Уравнивание статуса английского, киньяруанда и французского было осуществлено в конституции, принятой в 2003 г., после чего правительство объявило о своих планах по переводу на английский всей системы образования — от начальной школы до университета включительно, а также государственного управления и СМИ. После специального решения Совета министров от 8 октября 2008 г. обязательным языком преподавания становится уже английский. «Мы отдаем приоритет языку, который поможет лучше подготовить наших детей к профессиональной жизни и который будет соответствовать нашему видению развития страны», — заявил Кагаме в ходе визита в начальную школу в Кимихуруре, Кигали, 14 октября 2008 г. (New Times Rwanda, 2008).

Переориентация на английский язык коснулась не только образования, но и сфер управления, науки и внешних связей, что было соответствующим образом оформлено на уровне государственной символики. Так, уже с 2015 г. Национальный руандийский банк начал печатать банкноты только на двух языках, киньяруанда и английском, — в отличие от старых франков с французскими надписями (Rwanda new 2,000- and 5,000-franc notes confirmed, 2015). Внешнеполитические мотивы новой языковой политики неоднократно озвучивал сам президент Кагаме, например, в интервью Financial Times: «Около 90% торговли, инвестиций и прочих сделок мы осуществляем с Кенией, Танзанией, Угандой [англоязычными странами региона]. Кроме того, значительную часть иностранной помощи развитию мы получаем

⁵ Комиссия Дюклера была создана по поручению Э. Макрона и занималась изучением причастности Франции к геноциду в Руанде. В 2021 г. ее выводы были изложены в «докладе Дюклера», получившем широкий международный резонанс.

от Великобритании» (Financial Times, 2017). Однако идея, будто бы английский — единственный язык, обеспечивающий экономическое взаимодействие, является несколько однобокой и совсем не принимает в расчет давние и успешные коммерческие отношения Руанды с арабскими странами и Китаем (Ngabonziza, 2022), для которых в английском языке нет очевидной необходимости.

После долгих десяти лет переговоров 30 ноября 2009 г. была одобрена заявка Руанды на членство в британском Содружестве наций, невзирая на то что страна никогда не была британской колонией, а население до возвращения беженцев, как уже отмечалось, не говорило по-английски. Если говорить о мировом опыте, то единственное африканское государство, успешно совершившее аналогичный шаг, — португалоязычный Мозамбик. Англоязычный вектор Кигали вносит свою лепту в позиционирование Руанды как на внутри-, так и на внешнеполитической сцене как успешного африканского государства (Kral, 2022). Этот новый имидж основан на впечатляющих показателях развития Руанды и символизирует «эпический путь», который прошла страна: от жертвы геноцида до образцового члена международного сообщества (Reyntjens, 2013). Английский, таким образом, становится частью идентичности современной независимой Руанды, интегрированной в мировую экономику.

Реабилитация африканских языков

В соответствии с задачами национальной консолидации особую актуальность получило укрепление позиций киньяруанда и придание ему нового правового и морального статуса — языка, объединяющего руандийскую нацию. Идея использовать автохтонный язык в рамках политики национального примирения впервые возникла в общественном дискурсе вскоре после возвращения в страну репатриантов из соседних стран. В записке раннего постгеноцидного периода под названием «Единство руандийцев в доколониальный период, во время колониализма и в период первой республики», подготовленной аппаратом президента в августе 1999 г., утверждается, что руандийский народ (баньяруанда) составлял единое целое на протяжении большей части своей истории, а точнее до 1916 г. — времени перехода страны под контроль бельгийцев. Общий язык в этой записке назван в числе ключевых инструментов в деле восстановления национального единства — наряду с такими ценностями как сотрудничество, солидарность, честность, вежливость, терпение, вера, права и обычаи народа (Office of the President of the Republic, 1999).

В действующей конституции Руанды 2003 г. *национальным* (государственным) языком признан киньяруанда, а *официальными* языками — киньяруанда, французский и английский. Особое положение киньяруанда перекликается с распространенным в обществе убеждением, что именно он является «сердцем и душой» руандийской культуры⁶. В документе также прописан запрет на любую дискриминацию, в том числе по этническому, клановому, языковому признаку. Более того, конституция запрещает политическим партиям отождествлять себя с тем или иным языком. Тем самым государство как бы подтверждает, что связь между языком и национально-государственной идентичностью реальна и постоянно находится в поле его зрения.

⁶ Gafaranga, J., & Niyomugabo, C. (2010). Living and Working in Three Languages in Rwanda. *Network Rwanda*, 4, 11. — Цит. по Pearson, 2016.

Согласно конституции, право на деятельность по развитию и распространению национальной культуры принадлежит каждому гражданину. Для реализации этой нормы была создана Руандийская академия языка и культуры, в чьи задачи входит в том числе защита и развитие национального языка, который предстает средством самовыражения руандийского народа. Интересно, что в программных государственных документах озвучиваемая необходимость изучения киньяруанда, в отличие от английского, французского или суахили, никак не увязывается с экономическими соображениями; напротив, отчетливо вербализуется аффективный компонент:

«Киньяруанда — истинно руандийский язык, имеющий официальный статус, который понимает при этом подавляющее большинство руандийцев. Киньяруанда — язык преподавания в детских садах и в первых трех классах начальной школы. Киньяруанда — язык базовой грамотности населения, который должен быть хорошо освоен учащимися, поскольку он также становится фундаментом для изучения других языков. Существует глубокая связь между языком киньяруанда и культурной идентичностью, культурными ценностями и наследием» (MINEDUC, 2015).

В 2007 г. Руанда вступила в региональное объединение — Восточноафриканское сообщество (ВАС), костяк которого составляют три страны, объединенные общей колониальной историей, культурой, торгово-экономическими и инфраструктурными связями: Танзания, Кения и Уганда. Одной из своих основных задач Сообщество провозгласило развитие и распространение языка суахили на своей территории, а также на Африканском континенте в целом. Соответствующий закон был принят руандийским парламентом в феврале 2017 г.: суахили стал четвертым официальным языком в стране. Для правящей элиты Руанды это решение имеет инструментальную значимость, подсвечивая настрой на сотрудничество с соседями по региону. Кроме того, суахили распространен среди военнослужащих и сотрудников органов госбезопасности, прошедших в 1990-х гг. боевую подготовку в угандийских и танзанийских лагерях. Можно сказать, что отчасти его усиление произошло в знак благодарности восточноафриканским соседям.

В результате суахилиязычное меньшинство, рассредоточенное на северо-западе страны близ границы с ДРК, на востоке — с Танзанией и в районе Ньямирамбо в столице, получило культурное признание. С 2017 г. этот восточноафриканский язык впервые начали изучать как факультативный предмет в школах. Также суахили используется в СМИ (в частности в эфирах *Radio Rwanda*), чью аудиторию составляют городская молодежь и иммигранты африканского происхождения. Сегодня численность суахилиговорящих остается относительно небольшой: по разным оценкам, она составляет до 10% руандийского населения, причем для многих этот язык неродной. Тем не менее можно ожидать, что суахили будет более широко интегрирован в руандийское образование и что он будет фигурировать в некоторых официальных документах. Это вполне соответствовало бы популярной в последнее время среди африканских исследователей идее о необходимости одновременного использования разных африканских языков в образовании, поскольку все они составляют единую систему культурных ценностей — *убунту* (Makalela, 2019).

Инклюзивное многоязычие современной Руанды

Новая конфигурация языков на текущий момент выглядит следующим образом: *киньяруанда* — основа образовательной политики, язык обучения первых трех классов начальной школы, *lingua franca* для всех жителей Руанды; *английский* — новый

язык преподавания, охватывающий все этапы обучения с четвертого класса, т. е. среднее и высшее образование, язык коммерции, внешних связей, дипломатии; *французский* — «дополнительный» язык обучения, средство коммуникации внутри международного франкофонного сообщества; *суахили* — факультативный иностранный язык в образовании, язык меньшинства и одновременно макроязык-посредник для общения с соседями по региону.

Расхождения в положении языков очевидны и в других областях, однако по этому поводу сложился, за небольшими исключениями, широкий общественный консенсус. Эти расхождения нашли свое выражение в рутинизации практик использования разных языков в разных сферах деятельности. Так, законы публикуются на всех официальных языках, однако оригинальным считается текст на киньяруанда. В ходе выступлений и дебатов в парламенте депутаты вольны выбирать любой из официальных языков, но обычно в этой функции также выступает киньяруанда. Что касается полицейских расследований и судебных процессов, то они проводятся на том языке, который понятен допрашиваемому/ответчику, в противном случае ему должны предоставить переводчика. То же самое относится к заявлениям сторон в суде и комментариям адвокатов; при этом большинство документов суда составляются только на английском или французском языках. Таким образом, в зале суда процесс идет на киньяруанда, но одни судьи выносят приговор на французском, другие на английском — в зависимости от языка, которым владеют лучше.

Некоторый паритет соблюдается в области СМИ: в стране выходят газеты на киньяруанда, французском и английском и на всех четырех языках осуществляется радиовещание (в том числе радиостанциями *BBC*, *Voice of America*, *RFI*) (Leclerc, 2022). На трех языках транслирует программы и *Télévision-Rwandais*, но общая продолжительность вещания на каждом из них неодинакова, в основном в эфир выходят передачи на киньяруанда и английском (*Rwanda: le français retrouvé?*, 2021). Как правило, в наружной рекламе обычно используется английский или киньяруанда, реже — французский; то же самое касается официальных объявлений, дорожных знаков, коммерческой рекламы. Устное общение осуществляется на языке киньяруанда, письменное — на английском в Кигали и, как правило, на французском в других провинциях, однако все более отчетливо проявляется тенденция к использованию органами государственного управления разного уровня одноязычных документов на английском.

Таким образом, с 1994 г. в Руанде активно идет процесс формирования сложной многоязычной модели, в которой каждый из языков наделен своей собственной символической и прагматической функцией. Отмена связанных с языком ограничений способствует восстановлению граждан в социально-экономических и политических правах, интеграции широких масс населения в рынок труда, а также включению самой Руанды в региональную и мировую экономику. В качестве положительного «побочного эффекта» следует назвать повышение уровня грамотности и образования, доступ населения к самым разным благам и услугам, без которых устойчивое развитие страны было бы немислимо.

Все вышесказанное не означает идеализации современной языковой политики Руанды — в первую очередь в связи с тем, что она находится в процессе развития. Так, на рубеже 2020–2021 гг. высказывалось предложение о переводе всего начального школьного образования на английский язык, однако из-за большого общественного резонанса по этому вопросу, а также необходимости решать более

насуточные проблемы (в частности связанные с пандемией COVID-19) тему быстро сняли с повестки дня, перенеся ее на очень отдаленную перспективу. Неизвестно, как отозвалась бы реализация инициатив по усилению англоязычного компонента в отношении представлений о том, что такое «руандийскость». С другой стороны, ослабление позиций французского, как, впрочем, и вся нынешняя языковая политика, — это идея исключительно Кагаме и его команды. Мнение широких масс населения в ходе языковых реформ никак не учитывалось, поэтому непонятно, в какой степени нынешняя конфигурация языков устраивает самих руандийцев.

Очевидно, однако, что для поддержания устойчивого «позитивного мира» руандийская языковая политика должна быть не мультилингвальной — предполагающей сосуществование носителей разных языков в одном национально-государственном пространстве, а плюрилингвальной, нацеленной на конструирование сообщества людей, каждый из которых владеет несколькими языками. Как подтверждают многочисленные исследования на стыке психологии, социологии и политической науки, именно плюрилингвизм способствует взаимопониманию и уважению между носителями различных языков, одновременно сводя к минимуму риск фрагментации общества по территориально-языковому и этноязыковому принципу.

Заключение

В ходе исследования выдвинутая автором гипотеза о роли языка в структурной и культурной трансформации конфликта получила подтверждение. Кейс постгеноцидной Руанды весьма иллюстративен с точки зрения трансформации «треугольника насилия» в сторону «позитивного мира» при опоре как на самобытные институты, уходящие корнями в доколониальную традицию, так и на новую языковую политику, направленную на деэтнизацию социума. Устранение французского языка с прежних позиций и продвижение английского во все сферы общественной жизни символизирует разрыв с колониальным прошлым и «лингвистическим империализмом» и переход к новому этапу в жизни Руанды. Вывод в публичное пространство африканских языков киньяруанда и суахили способствует самоидентификации руандийцев в контексте принадлежности к руандийской и в более широком масштабе — к африканской общности, своеобразному «возвращению к корням» — догеноцидной картине мира без болезненных социальных противоречий колониальной и постколониальной эпохи.

Особенности лингвистической картины в Руанде позволили ей создать сложную инклюзивную многоязычную модель, в которой все четыре используемых языка обладают разным статусом. При том что все они играют ту или иную символическую и/или функционально-прагматическую роль, отсутствие привязки к конкретным этническим группам минимизирует конфликтогенный потенциал языкового фактора. Несмотря на некоторые «узкие места» в этой модели, связанные, в частности, с озабоченностью части граждан положением французского языка, она отвечает задачам преодоления разделенности и постепенного формирования неэтнической национальной идентичности.

Поскольку трансформация этнополитического конфликта является очень длительным процессом, в настоящее время можно говорить только о промежуточном итоге новой руандийской языковой политики, который видится в создании задела для формирования культуры ненасилия через создание «перекрестного многоязычия». Позитивные тенденции в вопросах социальной сплоченности и примирения среди руандийцев

подтверждает рост таких показателей, как общие цели и ценности, понимание прошлого и настоящего и видение будущего, ощущение безопасности и благополучия, справедливости и равноправия (см. Rwanda Reconciliation Barometer, 2020). В этом смысле плюрилингвальная модель, основанная на киньяруанда с «дополнительными надстройками», соответствует современному этапу в жизни руандийского общества.

Библиографический список

- Борисова, Н. (2016). Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях. *Мировая экономика и международные отношения*, 60(9), 67–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75
- Кудряшова, И. В., Харитоновна, О. Г. (ред.) (2020) *Метаморфозы разделенных обществ*. Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет).
- Кудряшова, И. В. (2016). Как обустроить разделенные общества. *Политическая наука*, 1, 15–33.
- Сотиева, Л., Скофилд, Дж. (2021). Анализ 30+ лет работы с конфликтом в грузино-абхазско-южноосетинском контекстах. *Independent Peace Associates*. Режим доступа <https://indiepeace.org/wp-content/uploads/2021/06/IndiePeace30-Years-Geo-Abkh-SO-contexts-RUS.pdf>
- A Discussion with Eric Ngangare, Poet, Singer, and Storyteller, Rwanda. (2016). *Berkeley Center for Religion, Peace and World Affairs*. Retrieved from <https://berkeleycenter.georgetown.edu/interviews/a-discussion-with-eric-ngangare-poet-singer-and-storyteller-rwanda>
- Abolou, C. (2009). L'Afrique, les langues et la société de la connaissance: Fractures dans la société de la connaissance. *Hermès*, 45(45), 165–172. DOI: 10.4267/2042/24047
- Abbott, G. (1992). Development, Education and English Language Teaching. *ELT Journal*, 46(2), 172–179.
- Banyanga, J., Björkqvist, K. & Österman, K. | Hackett J. (Ed.) (2017). Trauma Inflicted by Genocide: Experiences of the Rwandan Diaspora in Finland. *Cogent Psychology*, 4(1). DOI: 10.1080/23311908.2017.1333244
- Brounéus, K. (2008). Analyzing Reconciliation: A Structured Method for Measuring National Reconciliation Initiatives. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 14(3), 291–313.
- Chemouni, B. & Mugiraneza, A. (2019). Singing the Struggle: The Rwandan Patriotic Front's Ideology Through its Songs of Liberation. *Genocide Research Hub*. Retrieved from <https://www.genocideresearchhub.org.rw/document/singing-the-struggle-the-rwandan-patriotic-fronts-ideology-through-its-songs-of-liberation/>
- Donohue, W. (2012). The Identity Trap: The Language of Genocide. *Journal of Language and Social Psychology*, 31(1), 13–29. DOI:10.1177/0261927X11425033
- Galtung, J. (1969). Violence, Peace and Peace Research. *Journal of Peace Research*, 6(3), 167–191. DOI: 10.1177/002234336900600301
- Hakorimana, G. (2020). *Exploring Peace Journalism Practices for Conflict Prevention in Rwanda: The Case Study of Pax Press Initiative* (Master's Thesis). Available from the Digital Repository of the University of Rwanda Database.
- Hintjens, H., Ubaldo, R., Elias, A. (Ed.) (2019). Music, Violence, and Peace-Building. *Peace Review: A Journal of Social Justice*, 31(3), 279–288. DOI: 10.1080/10402659.2020.1735163
- Inauguration du Centre Culturel Francophone du Rwanda (2021, May 27). *Elysée*. Retrieved from <https://www.elysee.fr/>
- Jefremovas, V. (1997). Contested Identities: Power and the Fictions of Ethnicity, Ethnography and History in Rwanda. *Anthropologica*, 1/2, 91–104. DOI: 10.2307/25605855
- Kagame Reiterates Need to Use English as Education Medium (2008, October 15). *The New Times*. Retrieved from <https://www.newtimes.co.rw/article/12272/national/kagame-reiterates-need-to-use-english-as-education-medium>

- Kereni, I. (2004). *Developing Academic Writing at the National University of Rwanda: A Case Study of First Year Economics and Management* (Master's Thesis). Available from the database of the University of the Western Cape, South Africa.
- Kral, T. (2022). 'Eventually We'll all Become Anglophones': A Narrative Inquiry into Language-in-education Policy in Rwanda. *Globalisation, Societies and Education*, 1–15. DOI: 10.1080/14767724.2022.2033613
- Leclerc, J. (2022). *L'aménagement linguistique dans le monde: Rwanda* [Blog of Jacque Leclerc, Collaborator at CEFAN, Université Laval]. Retrieved from <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/rwanda.htm>
- Lederach, J. (2014). *The Little Book of Conflict Transformation*. Good Books, United States of America. Retrieved from <https://professorbellreadings.files.wordpress.com/2017/10/the-little-books-of-justice-peacebuilding-john-lederach-the-little-book-of-conflict-transformation-good-books-2014-1.pdf>
- Rwanda: le français retrouvé? (2021, May 26). *Le Figaro, AFP agence*. Retrieved from <https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/francophonie/rwanda-le-francais-retrouve-20210526>
- Makalela, L., Wei, L., Lin, A. (Ed.) (2019). Uncovering the Universals of Ubuntu translanguaging in Classroom Discourses. *Classroom Discourse*, 10(3–4), 237–251. DOI: 10.1080/19463014.2019.1631198
- Ministry of Education (MINEDUC) of the Republic of Rwanda, Rwanda Education Board. (2015). *Competence-based curriculum*. Retrieved from https://mudarwan.files.wordpress.com/2015/08/curriculum_framework_final_printed-compressed.pdf
- Musingafi, M., Mafumbate, R., Khumalo, T. (2019). Traditional Conflict Management Initiatives in Africa: Wellness Models for Southern Africa and the Zimbabwean Crisis. *Journal of Culture, Society and Development*, 47, 60–67. DOI: 10.7176/JCSD/47–07
- Newbury, D. (1998). Understanding Genocide. *African Studies Review*, 41(1), 73–97. DOI: 10.2307/524682
- Nkubito, J. & Uwababyeyi, A. (2017). Peacebuilding through Language Mentorship in Rwanda's Primary Education: Challenges facing key stakeholders. *Rwanda Journal of Arts and Humanities*, 2(2), 44–58. DOI: 10.4314/rj.v2i2.5A
- Ntakirutimana, E. (2014). La dynamique des langues dans l'enseignement supérieur au Rwanda: De nouveaux enjeux, une nouvelle dynamique. *Synergies Afrique des Grands Lacs*, 3, 155–163. Retrieved from https://gerflint.fr/Base/Afrique_GrandsLacs3/Evariste_Ntakirutimana.pdf
- Nzahabwanayo, S. (2018). Identification and Critique of the Values Education Notion: Informing the Itorero Training Program for High School Leavers in Post-genocide Rwanda. *Interchange*, 49(4), 111–132. DOI: 10.1007/s10780-017-9312-3
- Office of the President of the Republic [of Rwanda]. (1999). *The Unity of Rwandans before the Colonial Period and under the Colonial Rule under the first Republic*. Retrieved from <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/4918/2379.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- Pearson, P. (2016). *Language Policy in Rwanda: Shifting Linguistic and Educational Landscape* (Doctoral Dissertation). Available from Scholar Works at Georgia State University database. DOI: 10.57709/9434634
- Purdeková, A. & Mwambari, D. (2022). Post-genocide Identity Politics and Colonial Durabilities in Rwanda. *Critical African Studies*, 14(1), 19–37. DOI: 10.1080/21681392.2021.1938404
- Phillipson, R. (1992). *Linguistic Imperialism*. Oxford & New York: Oxford University Press.
- Reyntjens, F. (2004). Rwanda, Ten Years on: From Genocide to Dictatorship. *African Affairs*, 103(411), 177–210. DOI:10.1093/afraf/adh045
- Reyntjens, F. (2013). *Engineering a New Society*. In *Political Governance in Post-Genocide Rwanda*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781107338647.007

- Rosendal, T. & Ngabonziza, J. D. (2022). Amid Signs of Change: Language Policy, Ideology and Power in the Linguistic Landscape of Urban Rwanda. *Language Policy*, 2022, 1–22. DOI: 10.1007/s10993-022-09624-5
- Scherrer, C. (2002). *Genocide and Crisis in Central Africa: Conflict Roots, Mass Violence, and Regional War*. USA: Praeger.
- Roosen, B. & Schulman, H. (2014). Tuning in to the RTL: Tracking the Evolution of Language Alongside the Rwandan Genocide Using Social Identity Theory. *Journal of Language and Social Psychology*, 33(2), 165–18. DOI:10.1177/0261927X13513765
- Rurangirwa, S. (2013). Les Droits et les Marchés Linguistiques au Rwanda. *Journal of African Studies: Conflicts and Peace Studies*, 2 (1), 38–53. DOI:10.5038/2325-484X.2.1.5
- Rutazibwa, O. (2014). Studying Agaciro: Moving Beyond Wilsonian Interventionist Knowledge Production of Rwanda. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 8(4), 291–302. DOI: 10.1080/17502977.2014.964454
- Rwanda new 2,000- and 5,000-franc Notes Confirmed. (2015, January 6). [Web blog post] *BanknoteNews.com*. Retrieved from <https://banknotenews.com/?p=8067>
- Rwanda Playbook. (2022). *Rwanda Government Website*. Retrieved from <http://hgs.rgb.rw/girinka>
- Samuelson, B. & Freedman, S. (2010). Language policy, multilingual education, and power in Rwanda. *Language Policy*, 9, 191–215. DOI: 10.1007/s10993-010-9170-7
- Stanton, G. (2004). Could the Rwandan Genocide have been Prevented? *Journal of Genocide Research*, 6(2), 211–228. DOI: 10.1080/1462352042000225958
- Storey, A. (2001). Structural Adjustment, State Power & Genocide: The World Bank & Rwanda. *Review of African Political Economy*, 28(89), 365–385. DOI: 10.1080/03056240108704546
- Spowage, K. (2018). English and Marx's 'general intellect': The Construction of an English-speaking élite in Rwanda. *Language Sciences*, 70, 167–178. DOI: 10.1016/j.langsci.2018.04.003
- Office of the President of the Republic (1999). The Unity of Rwandans — before the Colonial Period and under the Colonial Rule — under the First Republic. Retrieved from <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/4918/2379.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- Transcript: Rwanda President Paul Kagame. (2017, August 27). [Interview] *Financial Times*. Retrieved from <https://www.ft.com/content/0ec9dc4e-8976-11e7-8bb1-5ba57d47eff7>
- Uvin, P. (1999). Development Aid and Structural Violence: The case of Rwanda. *Development*, 42, 49–56. DOI: 10.1057/palgrave.development.1110060
- Uwimbabazi, P. (2012). *An analysis of Umuganda: the Policy and Practice of Community Work in Rwanda* (Doctoral dissertation). Available from Research Space, the University of Kwazulu-Natal database.
- Vignon, M. (2021). Politique linguistique rwandaise: Avenir du français dans le trilinguisme officiel kinyarwanda-français-anglais. (Preprint). DOI: 10.6084/m9.figshare.16689343
- Wolfenden, K. (2011). Ending Ethnic Conflict and Creating Positive Peace in Rwanda and Sierra Leone. *International Affairs*, 3(01), 1/1. Retrieved from: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/352/ending-ethnic-conflict-and-creating-positive-peace-in-rwanda-and-sierra-leone>
- Yanagizawa-Drott, D. (2014). Propaganda and Conflict: Evidence from the Rwandan Genocide. *The Quarterly Journal of Economics*, 129(4), 1947–1994. DOI: 10.1093/qje/qju020
- Zadi, A. (2021). *The Hamite Must Die! The Legacy of Colonial Ideology in Rwanda* (Master's thesis). Available from CUNY Academic Works, City University of New York database.

Статья поступила в редакцию 24.05.2022

Статья принята к публикации 22.06.2022

Для цитирования: Никольская М. В. Языковая политика как инструмент трансформации этнополитического конфликта в Руанде. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 2. С. 86–105.

LANGUAGE POLICY AS A TOOL FOR TRANSFORMING THE ETHNO-POLITICAL CONFLICT IN RWANDA

M. V. Nikolskaya

Mayya V. Nikolskaya, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the MFA of Russia, Vernadskiy Ave., 76, Moscow, 119454, Russia.

E-mail: mayyanikolskaya@gmail.com. ORCID 0000-0002-3160-112X

Abstract. The article is dedicated to Rwanda's language policy designed by the authorities after the 1994 genocide, which constitutes a turning point in the country's contemporary history, with a view to healing the profound collective trauma. Relying on a case study method and the analysis of a wide selection of sources and research papers, the author examines the specific measures undertaken as part of the reform and tracks its progress from 1994 until the present day. To identify the underlying reasons for the new language policy and the extent to which it is in line with the Rwandan government's goal of building a de-ethnicized nation, the author turns to Johan Galtung's "Violence Triangle" and the conflict transformation theory revolving around the concept of a "positive peace". The pre-genocide language landscape was characterized by linguistic imperialism, as evident in the discrimination of non-French-speaking citizens, a factor that further fueled the already brewing tensions. After 1994, Rwanda's exit from France's sphere of influence was accompanied by a change in the status of each language aimed at eliminating the entrenched ethnic stereotypes linked to colonialism in the collective consciousness. The national idea of the "new Rwandan" gained momentum through reinforcing the legal standing and symbolism of the indigenous language of Kinyarwanda. In the light of the country's integration into the East African Community, the new language policy also affected another African language, Swahili, elevating it to an official status. The current four-language model is evaluated as largely successful, as it corresponds to the symbolic and policymaking objectives of post-conflict peace building in Rwanda.

Keywords: Rwanda genocide, language policy, conflict transformation, Violence Triangle, nation building, identity.

DOI 10.31429/26190567-23-2-86-105

References

- A Discussion with Eric Ngangare, Poet, Singer, and Storyteller, Rwanda. (2016). *Berkeley Center for Religion, Peace and World Affairs*. Retrieved from <https://berkeleycenter.georgetown.edu/interviews/a-discussion-with-eric-ngangare-poet-singer-and-storyteller-rwanda>
- Abbott, G. (1992). Development, Education and English Language Teaching. *ELT Journal*, 46(2), 172–179.
- Abolou, C. (2009). L'Afrique, les langues et la société de la connaissance: Fractures dans la société de la connaissance. *Hermès*, 45(45), 165–172. DOI: 10.4267/2042/24047
- Banyanga, J., Björkqvist, K. & Österman, K. | Hackett J. (Ed.) (2017). Trauma Inflicted by Genocide: Experiences of the Rwandan Diaspora in Finland. *Cogent Psychology*, 4(1). DOI: 10.1080/23311908.2017.1333244
- Borisova, N. (2016). Politizaciya yazyka i yazykovaya politika v etnicheskikh territorial'nykh avtonomiyah [Politicization of Language and Language Preferential Policy in Ethnic Territorial Autonomies]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 60(9), 67–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75
- Brounéus, K. (2008) Analyzing Reconciliation: A Structured Method for Measuring National Reconciliation Initiatives. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 14(3), 291–313.
- Chemouni, B. & Mugiraneza, A. (2019). Singing the Struggle: The Rwandan Patriotic Front's Ideology Through its Songs of Liberation. *Genocide Research Hub*. Retrieved from <https://www.genocideresearchhub.org.rw/document/singing-the-struggle-the-rwandan-patriotic-fronts-ideology-through-its-songs-of-liberation/>

- Donohue, W. (2012). The Identity Trap: The Language of Genocide. *Journal of Language and Social Psychology*, 31(1), 13–29. DOI:10.1177/0261927X11425033
- Galtung, J. (1969). Violence, Peace and Peace Research. *Journal of Peace Research*, 6(3), 167–191. DOI: 10.1177/002234336900600301
- Hakorimana, G. (2020). *Exploring Peace Journalism Practices for Conflict Prevention in Rwanda: The Case Study of Pax Press Initiative* (Master's Thesis). Available from the Digital Repository of the University of Rwanda Database.
- Hintjens, H., Ubaldo, R., Elias, A. (Ed.) (2019). Music, Violence, and Peace-Building. *Peace Review: A Journal of Social Justice*, 31(3), 279–288. DOI: 10.1080/10402659.2020.1735163
- Inauguration du Centre Culturel Francophone du Rwanda (2021, May 27). *Elysée*. Retrieved from <https://www.elysee.fr/>
- Jefremovas, V. (1997). Contested Identities: Power and the Fictions of Ethnicity, Ethnography and History in Rwanda. *Anthropologica*, 1/2, 91–104. DOI: 10.2307/25605855
- Kagame Reiterates Need to Use English as Education Medium (2008, October 15). *The New Times*. Retrieved from <https://www.newtimes.co.rw/article/12272/national/kagame-reiterates-need-to-use-english-as-education-medium>
- Kereni, I. (2004). *Developing Academic Writing at the National University of Rwanda: A Case Study of First Year Economics and Management* (Master's Thesis). Available from the database of the University of the Western Cape, South Africa.
- Kral, T. (2022). 'Eventually We'll all Become Anglophones': A Narrative Inquiry into Language-in-education Policy in Rwanda. *Globalisation, Societies and Education*, 1–15. DOI: 10.1080/14767724.2022.2033613
- Kudryashova, I. V. (2016). Kak obustroit' razdelennye obshchestva [How to Accomplish Stability in Divided Societies]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 1, 15–33.
- Kudryashova, I. V., Haritonova, O. G. (Eds) (2020). *Metamorfozy razdelennykh obshchestv* [Metamorphosis of Divided Societies]. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy institut mezhdunarodnykh otnosheniy (universitet).
- Leclerc, J. (2022). Laménagement linguistique dans le monde: Rwanda. [Blog of Jacque Leclerc, Collaborator at CEFAN, Université Laval]. Retrieved from <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/rwanda.htm>
- Lederach, J. (2014). *The Little Book of Conflict Transformation*. Good Books, United States of America. Retrieved from <https://professorbellreadings.files.wordpress.com/2017/10/the-little-books-of-justice-peacebuilding-john-lederach-the-little-book-of-conflict-transformation-good-books-2014-1.pdf>
- Makalela, L., Wei, L., Lin, A. (Ed.) (2019). Uncovering the Universals of Ubuntu translanguaging in Classroom Discourses. *Classroom Discourse*, 10(3–4), 237–251. DOI: 10.1080/19463014.2019.1631198
- Ministry of Education (MINEDUC) of the Republic of Rwanda, Rwanda Education Board. (2015). Competence-based curriculum. Retrieved from https://mudarwan.files.wordpress.com/2015/08/curriculum_framework_final_printed-compressed.pdf
- Musingafi, M., Mafumbate, R., Khumalo, T. (2019). Traditional Conflict Management Initiatives in Africa: Wellness Models for Southern Africa and the Zimbabwean Crisis. *Journal of Culture, Society and Development*, 47, 60–67. DOI: 10.7176/JCSD/47-07
- Newbury, D. (1998). Understanding Genocide. *African Studies Review*, 41(1), 73–97. DOI: 10.2307/524682
- Nkubito, J. & Uwababyeyi, A. (2017). Peacebuilding through Language Mentorship in Rwanda's Primary Education: Challenges facing key stakeholders. *Rwanda Journal of Arts and Humanities*, 2(2), 44–58. DOI: 10.4314/rj.v2i2.5A

- Ntakirutimana, E. (2014). La dynamique des langues dans l'enseignement supérieur au Rwanda: De nouveaux enjeux, une nouvelle dynamique. *Synergies Afrique des Grands Lacs*, 3, 155–163. Retrieved from https://gerflint.fr/Base/Afrique_GrandsLacs3/Evariste_Ntakirutimana.pdf
- Nzahabwanayo, S. (2018). Identification and Critique of the Values Education Notion: Informing the Itorero Training Program for High School Leavers in Post-genocide Rwanda. *Interchange*, 49(4), 111–132. DOI: 10.1007/s10780-017-9312-3
- Office of the President of the Republic (1999). The Unity of Rwandans — before the Colonial Period and under the Colonial Rule — under the First Republic. Retrieved from <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/4918/2379.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- Office of the President of the Republic [of Rwanda]. (1999). The Unity of Rwandans before the Colonial Period and under the Colonial Rule under the first Republic. Retrieved from <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/4918/2379.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- Pearson, P. (2016). *Language Policy in Rwanda: Shifting Linguistic and Educational Landscape* (Doctoral Dissertation). Available from Scholar Works at Georgia State University database. DOI: 10.57709/9434634
- Phillipson, R. (1992). *Linguistic Imperialism*. Oxford & New York: Oxford University Press.
- Purdeková, A. & Mwambari, D. (2022). Post-genocide Identity Politics and Colonial Durabilities in Rwanda. *Critical African Studies*, 14(1), 19–37. DOI: 10.1080/21681392.2021.1938404
- Reyntjens, F. (2004). Rwanda, Ten Years on: From Genocide to Dictatorship. *African Affairs*, 103(411), 177–210. DOI:10.1093/afraf/adh045
- Reyntjens, F. (2013). *Engineering a New Society. In Political Governance in Post-Genocide Rwanda*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781107338647.007
- Roozen, B. & Schulman, H. (2014). Tuning in to the RTL: Tracking the Evolution of Language Alongside the Rwandan Genocide Using Social Identity Theory. *Journal of Language and Social Psychology*, 33(2), 165–18. DOI: 10.1177/0261927X13513765
- Rosendal, T. & Ngabonziza, J.d. (2022). Amid Signs of Change: Language Policy, Ideology and Power in the Linguistic Landscape of Urban Rwanda. *Language Policy*, 2022, 1–22. DOI: 10.1007/s10993-022-09624-5
- Rurangirwa, S. (2013). Les Droits et les Marchés Linguistiques au Rwanda. *Journal of African Studies: Conflicts and Peace Studies*, 2 (1), 38–53. DOI:10.5038/2325-484X.2.1.5
- Rutazibwa, O. (2014). Studying Agaciro: Moving Beyond Wilsonian Interventionist Knowledge Production of Rwanda. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 8(4), 291–302. DOI: 10.1080/17502977.2014.964454
- Rwanda new 2,000- and 5,000-franc Notes Confirmed. (2015, January 6). [Web blog post] Banknote-News.com. Retrieved from <https://banknotenews.com/?p=8067>
- Rwanda Playbook. (2022). *Rwanda Government Website*. Retrieved from <http://hgs.rgb.rw/girinka>
- Rwanda: le français retrouvé? (2021, May 26). *Le Figaro, AFP agence*. Retrieved from <https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/francophonie/rwanda-le-francais-retrouve-20210526>
- Samuelson, B. & Freedman, S. (2010). Language policy, multilingual education, and power in Rwanda. *Language Policy*, 9, 191–215. DOI: 10.1007/s10993-010-9170-7
- Scherrer, C. (2002). *Genocide and Crisis in Central Africa: Conflict Roots, Mass Violence, and Regional War*. USA: Praeger.
- Sotieva, L., Scofield, J. (2021). Analiz 30+ let raboty s konfliktom v gruzino-abhazsko-yuzhnoosetinskom kontekstah [Analysis of 30+ Years of Work with Conflict in Georgian-Abkhaz-South Ossetian Contexts]. *Independent Peace Associates*. Retrieved from <https://indiepeace.org/wp-content/uploads/2021/06/IndiePeace30-Years-Geo-Abkh-SO-contexts-RUS.pdf>
- Spowage, K. (2018). English and Marx's 'general intellect': The Construction of an English-speaking elite in Rwanda. *Language Sciences*, 70, 167–178. DOI: 10.1016/j.langsci.2018.04.003
- Stanton, G. (2004). Could the Rwandan Genocide have been Prevented? *Journal of Genocide Research*, 6(2), 211–228. DOI: 10.1080/1462352042000225958

- Storey, A. (2001). Structural Adjustment, State Power & Genocide: The World Bank & Rwanda. *Review of African Political Economy*, 28(89), 365–385. DOI: 10.1080/03056240108704546
- Transcript: Rwanda President Paul Kagame. (2017, August 27). [Interview] *Financial Times*. Retrieved from <https://www.ft.com/content/0ec9dc4e-8976-11e7-8bb1-5ba57d47eff7>
- Uvin, P. (1999). Development Aid and Structural Violence: The case of Rwanda. *Development*, 42, 49–56. DOI: 10.1057/palgrave.development.1110060
- Uwimbabazi, P. (2012). *An analysis of Umuganda: the Policy and Practice of Community Work in Rwanda* (Doctoral dissertation). Available from Research Space, the University of Kwazulu-Natal database.
- Vignon, M. (2021). Politique linguistique rwandaise: Avenir du français dans le trilinguisme officiel kinyarwanda-français-anglais. (Preprint). DOI:10.6084/m9.figshare.16689343
- Wolfenden, K. (2011). Ending Ethnic Conflict and Creating Positive Peace in Rwanda and Sierra Leone. *International Affairs*, 3(01), 1/1. Retrieved from: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/352/ending-ethnic-conflict-and-creating-positive-peace-in-rwanda-and-sierra-leone>
- Yanagizawa-Drott, D. (2014). Propaganda and Conflict: Evidence from the Rwandan Genocide. *The Quarterly Journal of Economics*, 129(4), 1947–1994. DOI: 10.1093/qje/qju020
- Zadi, A. (2021). *The Hamite Must Die! The Legacy of Colonial Ideology in Rwanda* (Master's thesis). Available from CUNY Academic Works, City University of New York database.

Received 24.05.2022

Accepted 22.06.2022

For citation: Nikolskaya M. V. Language Policy as A Tool for Transforming the Ethno-Political Conflict in Rwanda.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 2. Pp. 86-105.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).